

Нестерова Елена Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории и теории культуры
Российский государственный
гуманитарный университет
Blb1@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН ЛЕТОМ 1917 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ АВПРИ)

Аннотация. В статье рассматривается относительно короткий исторический период – лето 1917 г., когда в провинции Хэйлунцзян возник так называемый харачинский вопрос. К решению этого вопроса была привлечена и Россия. Описанию того, как российские дипломаты оценивали ситуацию и возможные выходы из нее, посвящена настоящая статья.

Ключевые слова и фразы: русско-китайские отношения, Барга, харачинский вопрос, провинция Хэйлунцзян

Nesterova Elena Ivanovna, Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of History and Theory of Culture
Russian State University for Humanities,
blb1@mail.ru

POLITICAL SITUATION IN HEILONGJIAN PROVINCE IN SUMMER OF 1917 YEAR

Abstract. The article deals with a relatively short historical period - the summer of 1917 year, when the so-called Kharachin question arose in the Heilongjiang province. Russia was also involved in resolving this problem. This article is devoted to a description of how Russian diplomats assessed the situation and possible ways out of it.

Key words and phrases: Russian-Chinese relations, Barga, Kharachin question, Heilongjiang province

Конец XIX – начало XX века как в Китае, так и в России ознаменовались бурными событиями, во многом определившими траекторию развития этих стран в будущем. Зачастую на имперских перифериях политические и социальные процессы обладали своей спецификой, отличаясь известной вариативностью. Исследование микроисторических сюжетов, уточняющих эту специфику, представляется важным для понимания макроисторического процесса в целом. В настоящем докладе делается попытка реконструировать видение и понимание ситуации в Хэйлунцзяне летом 1917 года российскими дипломатическими представителями.

В начале 1917 года, как отмечает Е.В. Ностаева, продолжила развитие тенденция усиления позиций Японии в Маньчжурии. При этом Япония действовала осторожно, стараясь по возможности избегать конфликтов. «Вытесняя Россию из прежних сфер ее влияния, Япония открыто не нарушала предыдущие русско-японские соглашения 1907 и 1910 годов о разграничении сфер влияния в этом регионе, по которым Южная Маньчжурия (Внутренняя Монголия) и Корея входили в японскую зону специальных прав, а Северная Маньчжурия (Барга) и Внешняя Монголия - в российскую» [6, с. 43].

Весной ситуация радикально меняется, так как возникает, и вплоть до осени 1917 года остается открытым так называемый «харачинский вопрос» - захват харачинами (этническая группа южных монголов) значительной части Барги, включая ее столицу город Хайлар; захват, привлекая пристальное внимание представителей российской

дипломатической миссии. Как выяснилось позже, харачинский вопрос возник не без помощи японцев.

«В начале мая 1917 года харачины вторглись в пределы Барги и несколькими отрядами продвинулись к северу от линии КВЖД. (...) 11 мая был занят город Хайлар. Правитель Хулунбуира Шэнфу обратился за помощью к русским военным. Русскому гарнизону было приказано занять ямынь и защитить его от нападения харачинов. Приказ этот не был выполнен. Более того, вместо защиты местных властей русские солдаты даже приняли участие в разграблении харачинами Старого Хайлара. Шэнфу и другим представителям власти Барги со своими семьями пришлось бежать, им был оказан приют в консульстве» [6, с. 45].

Как отмечает отечественный исследователь С.Л. Кузьмин, такая ситуация была на руку японцам, поддерживавшим харачинов [4, с. 620], и, соответственно, невыгодна российской стороне, и без того достаточно ослабившей свои позиции в Северной Маньчжурии. Кроме того, японцы развернули пропаганду, направленную на подрыв авторитета России: «И лично, и через своих агентов — местных монголов-харачинов они [японцы] убеждают чиновников и население в полном распаде России и в невозможности положиться на защиту и пользоваться ее покровительством. Они уверяют, что место России на востоке займет Япония, могущественное содействие которой баргинцы видели на примере харачинов». Цит по: [4, с. 620].

Для решения возникшей проблемы из Пекина в Хайлар прибыл опытный дипломат, первый секретарь миссии В.В. Граве. Граве прекрасно знал и российский Дальний Восток, и Китай. За его плечами было участие в Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти в качестве уполномоченного министерства иностранных дел в Приамурском крае, пять лет работы в должности первого секретаря Российского посольства в Пекине. Однако, его старания, как он сам отмечал, «не имели успеха: харачины не собирались уходить из Барги, так как были прекрасно осведомлены о невозможности русских поддержать военной силой свои словесные заявления, и то, что харачинский вопрос — дело японцев, у русских, китайцев и монголов не вызывало сомнений» [6, с. 46].

Как отмечал В.В. Граве, находясь в Хайларе из-за быстрой смены политической ситуации, ему «пришлось глубоко изучить положение дел в этой провинции» [1, л. 241].

Свои наблюдения он изложил в докладной записке. Главное, на что обратил внимание В.В. Граве, — в глазах местного населения центральное правительство не обладало авторитетом. Этому во многом способствовала чехарда с назначением первых официальных лиц провинции. Губернатор Чжу Цинлан, стоявший во главе Хэйлунцзяна с октября 1913 года по май 1916 года, уступил место начальнику местной дивизии генералу Сюй Ланьчжоу, но центральное правительство не утвердило последнего в должности, а назначило в Цицикар Би Гуйфана, который не продержался на этом посту и года, передав его во время реставрации монархии генералу Сюй Ланьчжоу, теперь уже официально получившему назначение на этот пост. Однако, местное общество разделилось, так Цицикар признал Сюя, а отдаленные уезды нет. Во главе движения против Сюя встал генерал Инь Шунь, получивший поддержку японцев, снабжавших его оружием. 18 июня в Цицикаре состоялось совещание граждан и чиновников для изыскания средств к прекращению двоевластия, «гибельного для провинции» [4, с. 620].

Казалось, вопрос решился сам собой, когда после восстановления республики главой провинции 26 июля 1917 г. был назначен генерал Бао Гуйцин, а Сюй отозван в Пекин » [1, л. 242].

Однако ни тот, ни другой, по сути не выполнили распоряжение центра, так как оказались в почетном плену у захвативших власть бывшего фудутуна в Тункене маньчжура Цзисяня и бывшего хунхуза, полковника, и.д. командира 1-го конного полка Цицикарской дивизии Чжан Куйю. Ходили слухи, что Цзисянь не питал симпатий к Японии и работал над созданием автономии Северной Маньчжурии, если только Южная окончательно окажется в руках японцев. Российскому дипломату не удалось встретиться с

Цзисяном, но, по собранным им сведениям было известно, что Цзисян очень энергичен, упрям, пользуется большой популярностью среди всех слоев населения провинции, и, что немаловажно - у представителей всех национальностей.

В.В. Граве удалось собрать сведения и о других высших чиновниках Хэйлунцзянской провинции. Так, генерала Сюй Ланьчжоу он охарактеризовал как симпатичного человека, который пользуется любовью солдат, хорошо знает их быт и умеет войти в положение солдат. Генерал богат, владеет землей в Хэйлунцзянской провинции. В то же время, отмечал Граве, Сюй Ланьчжоу не имеет образования, легко поддается влиянию окружения. Наибольшее влияние на него оказывают начальник штаба Ли Цзиньлинь и полицмейстер г. Цицикара полковник Ян Юнфынь.

Противник Сюя – генерал Инь Шунь, по сведениям Граве, был старше Сюя, «упрямее, грубее, выслужился из солдат. Он не более образован, чем Сюй». Однако у Инь Шуня был мощный козырь, он пользовался расположением мукденского губернатора Чжан Цзолиня и находился в дружеских отношениях с Би Гуйфаном, бывшим губернатором Цицикара. Кроме того, он мог положиться на своих солдат [1, лл. 245 - 246]. Как уже отмечалось выше, Инь Шунь пользовался поддержкой японцев.

Близок к будущему «некоронованному императору Маньчжурии» Чжан Цзолиню был и Бао Гуйцин. Оба они в прошлом промышляли хунхузничеством, однако потом перешли на сторону правительства, пополнив число «хунхузских генералов». Кроме того, сын Бао был женат на дочери Чжана. Именно Чжан Цзолиню Бао Гуйцин был обязан своему назначению.

В июне 1917 года никто иной, как Чжан, предложил Пекинскому правительству назначить на пост дучжуня провинции Хэйлунцзян Бао Гуйцина. Это назначение было частью плана распространения собственного влияния на весь Северо-Восточный Китай [3, с. 230]. Важным представлялось и то, что у Чжан Цзолиня были давние и тесные связи с японцами. Еще во время русско-японской войны Чжан Цзолинь активно сотрудничал с японской разведкой. После войны Чжан Цзолинь (в частности, благодаря покровительству будущего премьер-министра Японии Гии Такаки) со своим отрядом был принят в регулярную китайскую армию и стремительно сделал там карьеру. Как в 1917 году, так и позже, уже фактически управляя всей Маньчжурией и претендуя на лидерство во всем Китае, в качестве своей опоры он рассматривал Японию [7].

Хорошие связи в Пекине имел еще один бывший губернатор – Би Гуйфан. В свое время он, окончив училище Тунвэньгуань был среди первых студентов, направленных в 1896 году на обучение в Россию. С 1898 г. по 1904 годы в Санкт-Петербурге он, исполняя обязанности атташе при посольстве, преподавал китайский язык в Петербургском университете. В 1906 году он был назначен коммерческим агентом во Владивостоке, а в 1909 г. был признан китайским генеральным консулом. В связи с таким послужным списком Би Гуйфан был хорошо известен российским дипломатам. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе Богоявленский в одном из отчетов докладывал, что Би Гуйфан его старый знакомый по Петербургу, куда китайский дипломат прибыл в составе миссии, и где он изучил русский язык. Он много вращался в Петербурге в русском обществе, встречая «везде очень радушный прием». «Однако ни жизнь в Петербурге, ни большое количество русских друзей и знакомых не создали из него русофила. Он остался типичным китайским чиновником старого типа, лишь слегка подернутым европейским лоском. Он как был, так и остался человеком, для которого личные выгоды на первом плане, и прежде всего выгоды свойства материального. Русофильство, русофобство были для него постольку ценны, поскольку давали ему возможность преуспеть по службе. Когда он был назначен во Владивосток, то оказалось, что русофобство в Китае в моде, и этим путем легче сделать себе карьеру. Отсюда и его вызывающий оборот действий по отношению к нашим властям» [2, л. 39]. В 1911 году Би Гуйфана командировали на должность амбана в Кобдо, а затем назначили на пост

посланника по расследованию и урегулированию событий в Урге, отвечая за ведение с российской стороной переговоров по монгольским вопросам.

Как отмечал В. Граве, все губернаторы, за исключением Сюя – Чжу Цинлан, Би Гуйфан, Бао Гуйцин - в Цицикаре «пришельцы, в их распоряжении нет войска, на которое можно было бы опереться» [1, л. 246]. Поэтому, продолжает российский дипломат, они окружают себя преданными людьми, тоже пришельцами, раздавая им лучшие должности, что вызывает недовольство у влиятельных в провинции людей, а когда они «по освященному веками в Китае порядку, начинают брать взятки, и притом в усиленном размере, т.к. они чувствуют, что их пребывание у власти не будет продолжительным и спешат составить себе известное состояние, это недовольство проникает и в массы. Далее, недовольные группируются вокруг влиятельных местных жителей, которые могут принудить губернатора уйти. Граве обращает внимание на то, что какими бы личными качествами не обладали губернаторы, ситуация повторяется [1, л. 246].

Чехарда во власти разрешилась 11 августа 1917 года, когда телеграф и почта Цицикара были заняты войсками генерала Сюй Ланьчжоу. Генерал Бао номинально остался губернатором, так как Сюй заявил, что желает покончить с авантюрой генерала Инь Шуна (который отказался признавать его) и заставить его признать Бао губернатором. Власть осталась в руках Сюя, «или, вернее, в руках полковника Чжан Куйу и бывшего фудутуна Цзисяня...» [5].

Все эти факты позволили В. Граве сделать вывод, что: «Японские интриги в Барге, поддержка генерала Инь Шуна, увеличение японской предприимчивости в Северной Маньчжурии, все это усиливает опасения: жители знают, как японцы обращаются с корейцами и не хотят испытать на себе японское иго» [1, л. 248]. Он отмечал, что среди населения провинции растут опасения того, что Япония, поглотив Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, обратит свои взоры на север. В Хэйлунцзянской провинции назревают серьезные события, которые по-видимому ведут к образованию из нее особой самоуправляющейся единицы. Когда именно это будет, сказать трудно, но несомненно промахи губернаторов, интриги японской военной партии и слабость центрального китайского правительства ускорят лишь развязку. С точки зрения дипломата такое положение вещей не противоречило российским интересам. Сепаратистское движение шло под лозунгами противодействия усилению японского влияния в Северной Маньчжурии, и это давало шанс вновь усилить российское присутствие, так как было замечено, что вести переговоры с местными властями легче, чем с центральным правительством [1, л. 248].

Литература:

1. АВПРИ. Ф. 188. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 418.
2. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 85.
3. Киселёв Д.В. Генерал тигр: штрихи к портрету Мэн Эньюаня // Общество и государство в Китае. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/general-tigr-shtrihi-k-portretu-men-enuanua> (дата обращения: 12.09.2021).
4. Кузьмин С. Л. Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г // Вестник КИГИ РАН. 2019. №4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/barga-hulunbuir-pod-kontrolem-mongolskih-povstantsev-v-1917-g> (дата обращения: 15.09.2021).
5. Кузьмин С.Л. Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. И положение в Барге (Хулунбуире) // Восточный архив. 2019. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izgnanie-mongolskih-povstantsev-iz-hailara-v-1917-g-i-polozhenie-v-barge-hulunbuire> (дата обращения: 12.09.2021).
6. Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. 2010. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harachinskiy-vopros-v-barge-1917-g> (дата обращения: 10.09.2021).

7. Петрунина Ж.В. Чан Кайши и Чжан Цзолинь: выбор Китая в 1920-х гг // Общество: философия, история, культура. 2018. №12 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chan-kayshi-i-chzhan-tszolin-vybor-kitaya-v-1920-h-gg> (дата обращения: 10.09.2021).

УДК 69.05

Никифоров Владимир Сергеевич,
студент 4-го курса
Кафедра алтаистики и китаеведения
Институт международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
vova758@rambler.ru

КИТАЙСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОМОЩЬ РОССИЙСКОМУ СЕЛУ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития жизни в крупных городах и малых населенных пунктах. Рассмотрен инновационный способ строительства зданий. Представлен концепт населенных пунктов нового образца.

Ключевые слова и фразы: китайская компания, технология строительства, село, большой город, условия жизни.

Nikiforov Vladimir Sergeevich,
4th year student
Department of Altaic and Sinology
Institute of International Relations
Kazan (Volga Region) Federal University
vova758@rambler.ru

CHINESE CONSTRUCTION TO HELP THE RUSSIAN VILLAGE

Abstract. The article examines trends in the development of life in large cities and small settlements. An innovative method of building construction is considered. Presented the concept of settlements of a new type.

Key words and phrases: Chinese company, construction technology, village, big city, living conditions.

Наше исследование носит экспериментальный характер: мы попытались проанализировать причины оттока людей из малых населенных пунктов (сел, деревень), и параллельного оттока жителей из мегаполисов. Также мы попытались найти возможный способ решения проблемы опустения сел при помощи инновационной технологии строительства китайской компании Broad Sustainable Buildings (BSB).

На данный момент в России отток населения из малых населенных пунктов представляют молодые выпускники сельских школ, поступающие в вузы, и люди, ищущие работу в крупных городах. В Нечерноземье отток населения приводит к деградации социальной среды и дальнейшему ухудшению сельского хозяйства. Кроме молодежи из сел выезжают «отходники» - люди, выезжающие на работу вахтовым методом за сотни тысяч километров от дома (7-20% трудоспособного населения [3]). Остаются лишь те, кому за 40, потому что их знания и навыки устарели и особенно не нужны в крупных городах, а также старики. В Поволжье, на Северо-Западе и Центральной России процент отходников увеличивается, а в регионах рядом с Московской областью 30-40% [3]